

глава вторая

Bucket of Blood

Ванкувер, Британская Колумбия

январь 1875 - ноябрь 1941

«Она работала в местечке под названием «Bucket of Blood». Здесь всегда были разборки и драки. Это было стремное местечко».

- Дороти Хардин

К ТОМУ МОМЕНТУ, КОГДА ДЖИМИ ХЕНДРИКС прославился во второй половине 60-хх, газеты стал неправильно писать его фамилию, например, *Hendricks*. Хендрикс воспринимал это, как часть шоу-бизнеса и это фамилия закрепилась за ним, как впрочем и многие другие. В оригинале же его фамилия так и писалась (*Hendricks*) до 1912 года, однако его дед сократил ее до *Hendrix*.

Отцовская линия Джими, как и материнская, состояла из рабов, рабовладельцев и индейцев Чероки. Дед Джими по материнской линии Бертран Филандер Росс Хендрикс родился в Урбан Сити, шт. Огайо, через год после окончания гражданской войны. Он был внебрачным сыном *черно-белой* пары его мамы и, ее работоторговца, отца. Ребенок был назван матерью в честь отца в надежде, что отец проявит о нем заботу, который так и ее никогда не проявил. Когда Бертран вырос, он работал рабочим сцены в Чикаго в водевильной труппе. Здесь он повстречал Нору Мор и они поженились. Прабабка Норы чистокровная Чероки. По этой линии, наряду и с Джетер, Джими Хендрикс как минимум на одну восьмую коренной американец.

Нора и Бертран приехали в Сиэтл в 1909 году, вместе со своей водевильной полностью *черной* труппой – *the Great Dixieland Spectacle*, приехавшей сюда со спектаклем *the Alaska-Yukon-Pacific Exposition* из университета Вашингтона. Здесь они остались на лето, но в результате уехали в Ванкувер, на север от границы Вашингтона. В Ванкувере было немного меньшинств по сравнению с Сиэтлом, да и требования к *черному* водевилю были слабее, здесь Бертран нашел работу подсобного рабочего и прислуги. Пара Ванкувер нашли чрезвычайно *белым* и выглядела здесь чужаковато. Они перебрались в Стартону, иммигрантский район, который был известен также как центр бутлегерства (назаконные производители и продавцы алкоголя в США в начале 20-го века [прим. перевод.]) и проституции, местные его называли «квадратной милей греха».

У Норы и Бертрана было трое детей – Леон, Патриция и Френк – в первые шесть лет брака. В 1919 году родился их последний четвертый ребенок – Джеймс Алан Хендрикс, отец Джими. У Эллы, как его всегда называли, от рождения на руках было по шесть пальцев, что его мать расценивала как дурной знак. Она их плотно оборачивала шелковой тесьмой в надежде, что они вырастут обратно. Будучи взрослым, Эл иногда пугал друзей Джими, показывая им свои лишние мизинцы с выросшими ногтями.

Как все *черные* канадские семьи, Хендриксы были в большой нужде, так как лучшие места всегда были для *белых*. В 1922 году Бертран потерял работу мойщика уборных – одну из нескольких работ, доступных для людей с любым цветом кожи – что стало результатом *античерного* настроения после некоего убийства. В конечном счете, он был взят дворецким на гольф-курсы, где он работал вплоть до своей смерти в 1934 году.

Смерть Бертрана, а также ранняя смерть старшего сына Леона, привело к выживанию за счет пособия от *Канадиан Рельеф*, и в конце концов они потеряли свой дом. Они переехали с новой парнем Норы в дряхлый домишко

на *Ист Джорджия Стрит*. Здесь, где вместе в комнате со своим братом Френком и еще квартирантом, до подросткового возраста рос Эл. Одной из его роскошей было прослушивание «*Полуночный грабёж*» (Midnight Prowl) – радио-передачи, транслировавшей хиты биг-бендов. Когда ему было шестнадцать, он увидел представление Дюка Эллингтона и был сфотографирован танцующим репортером для *Ванкувер Сан*. Эта фотография в газете стала одной из немногих ярких воспоминаний из детства для Эла.

Когда Эл стал взрослым мужчиной, он регулярно принимал участие в танцевальных конкурсах. Он мог похвастаться тем, как он танцевал, красиво подбрасывая партнершу, и как на льду скользил ее между ногами. В Канаде совсем немного чернокожих женщин – с белыми женщинами Ванкувера было встречаться опасно – поэтому Эл был один. Он устроился в ресторан по соседству под названием *Чиккен Ин*, который был центром чернокожих в Ванкувере в то время. Между разносами пищи здесь он мог танцевать; он повысил свое мастерство танца, за что ему всегда аплодировали.

Когда Элли исполнилось восемнадцать, ему предложили боксировать за деньги. Он был коренастым и мускулистым, но для взрослого был всего пяти футов и шести дюймов ростом (168 см. [прим. перевод.]). Менеджер по боксу взял его в Сиэтл в *Кристалл Пул*, где Эл дрался впервые во втором полусреднем весе (от 63 до 67 кг или от 140 до 148 фунтов [прим. перевод.]). Он прошел до финала, где проиграл, и оказалось, что обещание оплаты оказалось лживой приманкой. Однако самой неожиданной неприятностью было то, что Эл обнаружил в *Моо Хотель*, где ему и еще другому чернокожему боксеру сказали, что бассейн только для белых. И он смотрел, как плавают его команда.

Вернувшись назад в Ванкувер, Эла отбраковывали, где бы он не устраивался на работу. Он несколько раз пытался устроиться носильщиком на вокзале, но ему говорили, что он слишком низкого роста для этой работы, несмотря на то, что здесь не было ограничений по росту. В результате он уехал из Канады в Сиэтл, в надежде, что здесь будет больше шансов и что среди более многочисленного черного населения будет больше возможности найти подругу.

Он приехал в Сиэтл в 1940 году с сорока долларами в кармане. Свою первую постоянную работу он нашел в ночном клубе *Бен Париж*, где он накрывал столы и чистил обувь. В конечном счете он нашел работу в сталелитейном цехе; это была тяжелая физическая работа, которая хороша оплачивалась. Единственную радость Эла находил на танцплощадке, где его заботы временно исчезали. У него был *зут* (стильный костюм состоящий из длинного пиджака, мешковатых брюк и широкополой шляпы; такой костюм был очень популярен в 30-40-е гг. 20 века среди латиноамериканской и чернокожеой части населения в больших городах США) с белыми полосками, а также бежевый однобортный плащ до колен. Все это было на нем, когда он повстречался с шестнадцатилетней Люсиль.

§

ЛЮСИЛЬ БЫЛА в девятом классе, когда встретила Элла, несмотря на это она была необыкновенно привлекательна, она была наивна с парнями и Эл стал ее первым парнем. Его канадское воспитание заинтриговало ее, однако это в Эле отвращало некоторых из афроамериканского сообщества в Сиэтле. «Народ Сиэтла с высокомерием относился к канадцам», – отмечала Долорес Холл. Практически отсутствие знакомых у Элла в Сиэтле будет многократно обсуждаться парой: будучи очень симпатичной, Люсиль имела кучу друзей, что часто вызывало у Эла ревность. «Эл был очень мускулистым», – вспоминал Джеймс Праер. «Все избегали Люсиль в присутствии Эла. Он был с характером и не боялся проявлять его. Если кто-то бегал за ней, то делал это конечно не на людях, потому что Эл мог прибить».

У Эла и Люсиль была парочка целомудренных свиданий, но это было всего лишь актом доброты и верности со стороны Люсиль, что бы застолбить их отношения. Когда у Эла вылезла грыжа и его госпитализировали, Люсиль пошла волонтером в больницу. Когда Эла выписали, он стал официально ухаживать за Люсиль, постоянно навещая ее родителей, как правило, ежедневно. Родителям Люсиль Эл нравился, но они его не воспринимали всерьез, потому что их дочь была слишком молода для серьезных отношений с мужчиной – ей было всего шестнадцать.

Эл лишился своей работы в сталелитейном цеху и стал работать в бильярдном клубе. Он гонял шары, когда услышал, что японцы атаковали Перл Харбор. Элле было 22, когда его срочно призвали в армию, и война придала ускорению их отношениям с Люсиль. К концу февраля она была беременна, что было нелегко сделать, живя в казарме куда женщинам вход строго запрещен. Когда Люсиль сказал своим родителям, они пришли в бешенство. «Она была ребенком и это последнее, что от нее могли ожидать», – вспоминает Делорес.

Эл весьма деликатно сказал Джетерам, что хочет жениться на их дочери, что не успокоило Престона, который безуспешно пытался отговорить Люсиль не выходить замуж. Пара поженилась в *Кинг Коунти Кортхаус* и через три дня Эл уплыл с флотом. После его отправления Люсиль продолжала посещать школу, скрывая от своих одноклассников эти два секрета. Она была очень худенькой и пройдут месяцы, прежде чем беременность будет заметна, что касается замужества, то Эл был слишком беден, что бы купить ей кольцо. В результате, когда Люсиль еще надеялась окончить начальный классы, с ребенком и без средств к существованию, однажды после занятий она со звонком оставила свои учебники на парте и больше никогда не вернулась за ними.

§

НА ПРОТЯЖЕНИИ НЕСКОЛЬКИХ месяцев Люсиль продолжала жить со своими родителями, однако их отношения были весьма натянуты в связи с ее положением. Джетеры были в большой нужде и жили за счет социального обеспечения; у них не было возможности помогать такой же как и они безработной дочери. В конце концов Люсиль нашла работу официантки в клубе на буйной *Джексон Стрит*. Ей надо было соврать о своем возрасте, но в таком клубе с дурной славой, как *Bucket of Blood* закон игнорировался в любой форме. Между разлитием порций алкоголя она принимала участие в развлекательной программе. «Она пела», – вспоминает Долорес Холл, – «и люди давали чаевые, потому что была она довольно неплохой певицей».

Работая в *Bucket of Blood*, Люсиль стала частью того, называлось «мэйн стэмом». «Этот термин использовался для описания *движухи*», – отмечал Боб Саммерайз, один из первых чернокожих диджеев в Сиэтле, у которого по соседству был магазин с записями. «Тебе надо было прийти в центр и спросить «а где тут «мэйн стэм?»». Там было развратное место. Сутенеры, проститутки, аферисты, наркочилеры, немного наркоманов, но среди прочих здесь также были чернокожие бизнесмены, которые приходили сюда поразвлечься или просто выпить». На углу *Четырнадцатой* и *Джексон Стрит*, однорукий газетчик, которого называли *Неспящим*, днем и ночью выкрикивал заголовки. В этом районе постоянно была *движуха*, что бы заявить, что собираешься на *Джексон Стрит*, достаточно было сообщить о своих целях и нравственности. Определенно, это была совсем иная сторона *черной* культуры, чем та, что основанная на церковных идеалах, в которой Люсиль выросла. Люсиль быстро вписалась в манящие экзотикой многочисленный клубы *Джексон Стрит*.

Мэйн Стэм был также центром ритм-н-блюза в городе. В таких клубах как *Black & Tan*, *Rocking Chair* и *Little Harlem Nightclub*, ярком и богатым альтернативном существовавшем мире, невиданным большинством белых Сиэтла. Джимми Огилви, которые впоследствии станет фронтменом *the Dynamics* (официально Огилви никогда не был фронтменом группы [*прим. перевод*]) будучи на *Джексон Стрит* еще подростком знал, что быть белым еще не так сложно по сравнению с тем, как неправильно одеться. «Это был костюм-зут, большая шляпа и лакированные туфли», – вспоминает он. «Тебя не признают, если ты неверно оденешься. В клубе было все равно белый ты или нет; там хотели от тебя танца и *движухи*. Ты должен был принять это».

Для красоты, шестнадцатилетней Люсиль Джетер Хендрикс, работа на *Джексон Стрит* была поворотным событием в жизни. Она была сообразительно и быстро училась. Долорес вспоминает, что ее сестра черствела и это только еще углубляла ее замкнутость. Этот район стал ей как домом родным – она знала людей, они знали ее, и она уже больше никогда не

чувствовала себя так уютно с родителями, как на *Централ Дистрикт*. По этой же причине Эл Хендрикс казался ей далеким воспоминание.

§

В КОНЦЕ лета 1942 года, стала видна беременность Люсиль и она не могла дальше продолжать работать. К осени она уже жила с другом семьи Дороти Хардин. Хардин бала всего на семь лет старше Люсиль, но уже в одиночку растила трех детей (в дальнейшем у нее появится еще шестеро). Она также была одной из первых американок работающих на судостроительном заводе в Сиэтле, где до войны было ограничение на работу сразу для черных и женщин. Возможно, более важным является от факт, что Хардин минула мир *Мэйн Стема* и *Джэксон Стрит*. Но несмотря на от, что она ходила в церковь каждое воскресенье, Дороти любила музыку и мужчин – один из ее детей родился от одного из близких родственников певца *Джеки Вилсона*. Люсиль была на большом сроке беременности, когда переехала к Хардин. «Называла меня тетушкой», – вспоминала Хардин. «Я заботилась о ней».

Вьюжной ноябрьской ночью Люсиль была в доме у Дороти, когда начались роды. Они сразу отправились в больницу и быстро до нее добрались. Малыш родился в 10.15 утра 27 ноября 1942 года. Все отмечали, что это был премиленький мальчик, из всех кого они только видели. Этой ночью Долорес дала ему кличку «Бастер», в честь героя Бастера Брауна из комедийной ленты Ричарда Откулта, а также такое название было у бренда детской обуви. Потом, говорили, что Джимми приобрел кличку в честь Лари «Бастера» Среба, который играл Флеш Гордона в любимом Джими сериале. Сам Джими рассказывал эту версию, не зная, что это имя использовалось до того, как он еще смог ходить в кинотеатр. Пока он рос, большинство его родственников и соседей в Сиэтле называли его по имени озорного мальчишки из газетных карикатур.

По крайней мере, частично из-за его клички Люсиль не дала ему законного имени: Джон Алэн Хендрикс. Имени Джонни не было ни в ее семье, ни в семье Эла, и это всегда по мнению Эла ставило его отцовство под сомнение, который был убежден, что ребенка назван в честь Джона Пейджа, портового рабочего, снимавшего комнату у Дороти Хардин. Хардин отрицает, что Пейдж имел отношение к рождению, однако очевидно по некоторым признакам связь имела место. Люсиль могла конечно назвать ребенка в честь Пейджа, но это также могло быть просто случайным совпадением, так как Джон было самым популярным именем у ребят в 1942 году. В любом случае, никто не называл ребенка Джонни, ни даже Люсиль, и это будет первым из трех законных имен Джими Хендрикса на протяжении всей его жизни.

Эл узнал о рождении по телеграмме от Долорес. Когда Люсиль наконец послала Эллу фотографию с ребенком сидящим у нее на коленях, она ее

подписала: «Это ребенок и я», – без использования имени ребенка. Другой снимок был с Долорес и послан Эллу с подписью: «Моему папочке со всей любовью, Малютка Хендрикс». На обратной стороне Долорес написала: «Дорогой Ален, вот, наконец, фотография твоего малыша – Алена Хендрикса. Здесь ему ровно два месяца и три недели. Неправда ли, он выглядит старше? Я надеюсь, ты получишь послание. Долорес Холл».

Этот снимок Люсиль и малыша одна из немногих оставшихся фотографий с Люсиль. Одетая в плащ и скромная юбочка без колготок, она аккуратно сидит, плотно сжав ноги, но также с двусмысленной сексуальной улыбкой. Ее прямые волосы собраны сзади в хвост, стиль того времени больше принятый у школьниц, чем у домохозяек. Она и ее круглощекий малыш фотогенично выделяются своими миндалевидными глазами. Пожалуй, ни один солдат не мог бы смотреть на эту фотографию без чувства гордости, вожделения и сильного чувства горкой радости.

Вскоре после рождения малыша, Эл был отослан на юг Тихого океана, он был на Фиджи, когда получил первую фотографию со своим ребенком. Эл провел достаточно времени в армии в дали от войны, что позволило ему продуктивно подумать о том, что могло или не могла происходить дома в Сиэтле. В своей автобиографии «Мой сын Джими» Эл отмечает, что как они поженились, Люсиль часто ему писала, но «после рождения Джими, у нее наступило тяжелое время». Часть ее проблем была из-за финансового положения, Джими исполнится год, когда до нее дошли заработанные Элом деньги. Но к середине 1943 года иные обстоятельства в жизни Люсиль спровоцировали сложности. В июне умер ее отец Престон, что ввело ее слабую мать в более тяжелое состояние слабоумия. Клерис вышла из дому и, пока отсутствовала, их дом сгорел до тла. На дом не было страховки и семья потеряла все, что имела, включая все свои фотографии.

§

ВЕСЬ СЛЕДУЮЩИЙ год Люсиль с малышом вели кочевой образ жизни, переезжая от Дороти Хардин, к сестре Долорес и обратно. На самом деле, ни у кого не было места для Люсиль с ее ребенком. Она продолжала работать в ресторанах и закусочных, и оставляла присмотреть за *Бастером* то Дороти, то Долорес, то совей матери Клерис. «На первых порах Люсиль даже не знала, как поменять пеленки», – вспоминает Хардин.

Фредди Ми Гоутер, друг семьи, намекал на плохой уход. В показаниях в суде Гоутер рассказал длинную историю, как одним зимним днем, Клерис появилась в его доме со свертком в руках. «Это ребенок Люсиль», – сообщила Клерис. Гоутер, которому было тогда двенадцать, вспоминал, ребенок был «ледяной, а его ножки были синего цвета», его пеленка была напрочь замерзла от мочи. Мать Гоутера вымыла ребенка, сделал ему тепленькую ванночку и натерла его кожу оливковым маслом. Когда пришло время уходит Клерис, миссис Гоутер заявила, что ребенок останется у нее,

пока Люсиль сама не придет за ним. Когда Люсиль пришла, та прочла ей лекцию о надлежащей заботе о ребенке.

В результате, безнадежно бедная Люсиль находила разных мужчин, которые бы ее поддерживали, по крайней мере временно, среди которых был Джон Пейдж. Было ли это от черствости ее второй половины, либо от каприза молодой мамы под натиском голода, либо сочетанием того и другого, неизвестно. В темные деньки 1943 года было неизвестно, как пойдет война дальше и вернется ли кто-нибудь из тех парней, кто вышел в море. Если Люсиль Хендрикс и изменяла своему заокеанскому мужу, то была не единственная блудная невеста войны. «Я думаю, она долго его ждала», - вспоминает Долорес. «Он уехал слишком скоро». У Эла конечно свое мнение на этот счет. «Полагаю, Люсиль долго держалась», - писал он в *Мой сын Джими* – «прежде чем начала распутничать со своими подругами и другими мужчинами». Эл жаловался, что его письма Люсиль вскоре возвращались, и за редким исключением когда писала ему она, на письмах были указаны обратные адреса дешевых гостиниц.

У ближайших родственников Люсиль было беспокойство как на счет заботы о ребенке, так и на счет отношений с Джоном Пейджем. Уже достаточно того, что члены семьи консультировались у адвоката, который сказал им, что если Пейдж заберет Люсиль из Вашингтона (т.е. из шт. Вашингтон [зам. перевод.]), то они могут сделать так, что пересечение границы штата будет для нее невозможно. Узнав, что Пейдж забрал Люсиль и ребенка в Портланд, шт. Орегон, ее родственники поехали на поезде в Портланд, где нашли Люсиль в госпитале избитой. «Джими был с ней», - вспоминает Долорес. «Мы забрали Джими и ее домой». Когда Люсиль было всего семнадцать, Пейдж был арестован по обвинению нарушении закона *Mann Act* (закон о незаконном трафике людей с целью сексуальной эксплуатации [прим. перевод.]), и ему дали пять лет.

Наконец этой весной Люсиль начала получать военные платежные чеки Эла, которые поправили ее финансовые проблемы, но не предотвратили ее падения. Забота о Бастере все больше и больше переключивалась на Долорес и Дороти, а так же на бабушку Клерис. Когда мальчику было почти три, Люсиль и Клерис взяли его в Беркли, шт. Калифорния, на церковный сход. После схода Люсиль вернулась работать домой, а Клерис решила навестить родственников в Миссури. С целью уберечь ребенка от долгой поездки на Средний Запад, церковная подруга, миссис Чемп, предложила на это время оставить ребенка у себя. У миссис Чемп была собственная дочь, юную девочку звали Селестиной. Годами позже Джими Хендрикс часто рассказывал о доброте Селестины, которую она проявляла к ребенку.

Забота миссис Чемп о ребенке планировалась недолгой, но растянулась и неформально превратилась в усыновление. Долорес регулярно переписывалась с миссис Чемпан, и сообщила, что напишет Эллу, что ребенок был в Калифорнии. Таким образом, Эл Хендрикс, будучи за тысячи миль в Тихом Океане, только через неделю после возвращения из армии,

получил на свое имя письмо со сведениями, что его ребенок был под опекой
незнакомой женщины.